

ДОМ ПОЮЩИХ СТЕН

*«В этом месте сказки
превращаются в кошмары»*

Кристиан Роберт Винд

Mystic роман

Кристиан Винд

Дом поющих стен

«Автор»

2023

Винд К. Р.

Дом поющих стен / К. Р. Винд — «Автор», 2023 — (Mystic роман)

«Добро пожаловать в Дом поющих стен! Но помните: здесь вы можете погибнуть в любой момент». Едва переступив порог дедушкиного дома, Джек тут же с головой окунается в вереницу зловещих приключений. Какие мрачные секреты хранит странный особняк за своими дверьми? Джек решает во что бы то ни стало выяснить это. Вот только готов ли он столкнуться лицом к лицу с ужасными тайнами, которыми напичкан старый дом?..

Содержание

Пролог	5
Почти что первая глава	7
Пыльная-пыльная вторая глава	12
Глава третья, безрассудная	19
Долгая четвертая глава	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Кристиан Роберт Винд

Дом поющих стен

Пролог

– Мне нужно отдохнуть от всего этого, Джек, – со вздохом протянула его мать одним хмурым осенним днем.

В общем-то, именно с этого все и началось.

Женщина стояла у узкого кухонного окна, задумчиво глядя сквозь мокрое стекло, а в ее голосе сквозили усталость и раздражение. Джеку всегда казалось, что именно из этих двух вещей и состоят все взрослые люди. Из усталости и раздражения.

– Я уеду ненадолго, – заявила она неожиданно. – А ты пока поживешь у бабушки Оливера.

Услышав это, Джек едва не поперхнулся кукурузными хлопьями.

Его мать почти никогда не упоминала о бабушке Оливере. Он вообще не мог припомнить, когда они говорили о нем в последний раз. Он и видел-то бабушку лишь однажды в своей жизни, когда тот был проездом в городе и заглянул к Джеку в детскую всего на пару минут. Сказал, что собирается на выставку чайных чашек, затем сунул мальчику в руки нечто, отдаленно напоминающее чучело белки, и испарился без следа.

Мать Джека считала бабушку Оливера слишком странным, а поэтому откровенно его недолюбливала. Она вообще с крайней неприязнью относилась к любым странностям, а больше всего на свете не выносила странных людей.

Наверное, потому что его отец тоже был немного странным. Так что, как несложно догадаться, и он, в конечном итоге, навсегда исчез из их жизни. Хотя, если бы вы спросили Джека о том, какой была его жизнь до развода родителей, то вряд ли бы получили внятный ответ. Своего отца мальчик тоже почти не помнил. Частые переезды – забавная вещь, которая начисто стирает детские воспоминания, перемешивая их жалкие обрывки в какую-то несурезицу.

Последние два года Джек жил вместе с матерью в одном из кирпичных домов на окраине старой Англии. В одном из тех, где в комнатах всегда царит загадочный полумрак, поэтому приходится зажигать свет с самого утра, а под потолком упорно разрастаются сизые пятна плесени, хоть как ни старайся оттереть их железным скребком и содовым раствором.

По ночам в крошечных коридорах здесь завывал сквозняк, а в дождливые осенние дни – такие, как сегодня, с прохуdivшейся крыши на пол с громким «ХЛЮП» падали холодные капли. А еще при каждом шаге старые дубовые половицы тихо, но долго и как-то безысходно-протяжно стонали под ногами мальчика, как будто ветхий дом был недоволен тем, что кто-то нарушает его пыльный покой.

«ХЛЮП», «ХЛЮП», «ХЛЮП» и нестерпимо долгие скрипы старых досок – вот как звучал осенней порой новый дом Джека. Тоска смертная, что и говорить...

– Я дам тебе с собой немного денег, – продолжала женщина. – Чтобы в случае чего ты мог купить билет на поезд и вернуться домой. Я оставлю ключ под ковриком у входной двери.

Джек лишь молча кивнул, не переставая поражаться всему происходящему.

Следующие несколько дней он был всецело поглощен предстоящим отъездом. Стащив с чердака древний мятый чемодан, мальчик сперва долго размышлял над тем, что именно ему стоит взять с собой в дорогу. А затем сгреб в охапку все вещи из своего шкафа и попытался затолкать их разом в потертый саквояж. Влезла примерно треть. Вот так с собой у Джека оказались четыре пары осенних курток и ни одних запасных носков.

В четверг, ровно в три часа дня, он сел в заметно проржавевший пузатый автобус, почему-то остро пахнувший медицинским спиртом и чем-то еще, неуловимо-неприятным, и отправился на вокзал.

– Джек, я буду звонить тебе каждый день, – пообещала ему мать, целуя на прощание в лоб и протягивая забитый до отказа чемодан.

А спустя несколько часов Джек уже прислушивался к стуку колес и бездумно таращился в окно поезда, за которым неотвратимо угасал очередной дождливый день.

Так закончилась его прежняя, нормальная жизнь.

Почти что первая глава

Странности начались с того самого момента, как Джек едва приблизился к кособокому каменному дому, в котором жил дедушка Оливер.

Должен сказать, трехэтажный особняк выглядел внушительно, даже несмотря на то, что слегка кривил в правую сторону. Большой и древний, с высокими округлыми окнами, обрамленными резными козырьками, он казался старомодным и чопорным стариком на фоне однотипных кирпичных коттеджей, красневших где-то в самом конце аллеи.

Мальчик сделал несколько шагов и замер перед ажурными воротами, которые разделяли высокую железную изгородь на две равные части. Каждый прут ограды венчал шип, наточенный до зеркального блеска будто кинжал. Серые капли холодного дождя срывались вниз, на мгновение замирая на самом острие, а затем рассыпались во все стороны миллиардом блестящих брызг.

Набравшись храбрости, Джек осторожно дотронулся до витиеватой ручки, украшавшей металлические ворота. И не без труда потянул ее на себя. Затем медленно побрел по насыпной дорожке, петлявшей между зарослей колючего кустарника. И снова остановился.

Теперь дом дедушки Оливера нависал над ним словно древний исполин – мрачный, угрюмый и немного косой. Большое дерево, растущее справа от каменного крыльца, топорило в мглистое небо свои голые ветви, и от этого особняк казался еще более зловещим.

Возможно, уныния этому месту добавляла, помимо всего прочего, еще и весьма отвратительная погода: из-за грозных туч и бесконечного осеннего ливня все вокруг пропиталось влагой, став темнее. С другой стороны, чего еще следовало ожидать, если прибываешь черт знает куда, да еще и ненастной ночью?

«Добро пожаловать в Дом поющих стен!», – прочел Джек вслух.

Дырявая металлическая табличка с серебристой надписью была криво-косо приколочена ржавыми гвоздями прямо к стволу засохшего дуба. А ниже кто-то дописал буквами помельче: «Но помните: здесь вы можете погибнуть в любой момент».

Символы слабо мерцали в свете уличной лампы, привлекая тем самым жирных черных жуков, облепивших как весь прямоугольник таблички, так и фронтальную стену старого строения. Они лениво ползали по мокрым камням, изредка недовольно приподнимая свои большие крылья. Никогда прежде Джек не видел таких странных насекомых. Они походили на кабошоны из оникса, которыми было украшено любимое ожерелье его матери. Вот только кабошоны мерно раскачивались на серебряных нитях вперед-назад, а толстые жуки почему-то предпочитали передвигаться исключительно боком, как морские крабы.

Немного замаявшись от охватившей его нерешительности, Джек замер на коврике у массивной парадной двери, прислушиваясь к тому, что происходило вокруг.

А происходило много чего: по темной черепичной крыше кособокого дома громко стучал дождь; где-то вдалеке приглушенно ухала голодная сова; откуда-то из-за лысых желтых кустов с колючками жалобно мяукал не менее голодный кот; из распахнутого окна на втором этаже доносился звон посуды, каким-то невероятным образом продиравшийся сквозь грохот ливневых потоков.

– Чего это ты топчешься здесь? – неожиданно проскрипел позади чей-то голос, отчего Джек резко дернулся, а затем машинально обернулся.

Прямо перед ним стояла невысокая тощая старуха – такая смуглая и сморщенная, что он невольно подумал про изюм. На ее неприветливом лице сверкал черным жемчугом сощуренный глаз. Второй был закрыт пестрым лоскутом ткани.

Под крючковатым носом старухи Джек не без удивления обнаружил усы. На их кончиках блестели большие дождевые капли.

– Матильда, – донесся из дома недовольный голос дедушки Оливера. – Ну где ты там ходишь? Матильда!

– Я тут, мистер О, – услужливо проскрежетала в ответ старуха, не сводя с лица Джека своего злобного глаза. – Внизу у вашего порога отирается какой-то мальчонка!

– Мальчонка? – повторил голос из каменного дома после секундной паузы. – Как он выглядит?

– Как попрошайка, мистер О, – тут же выкрикнула Матильда.

– Простите, – возмущенно начал мальчик. – Но я вовсе не... Не...

От охватившего его недовольства Джек раскраснелся и принялся пыхтеть словно вскипевший чайник. Подобное обращение показалось ему крайне оскорбительным.

– Матильда, чего он хочет?

Одноглазая старуха задумчиво нахмурила густые брови, бегло осмотрела мальчика и громко ответила:

– Он извиняется и утверждает, что он вовсе не, мистер О.

– Что? – в голосе дедушки Оливера возникло замешательство. – Матильда, что все это значит?

– Прекрати морочить голову занятым людям, мальчонка, – старуха недовольно цокнула языком и погрозила Джеку корявым пальцем.

– Но я не... Послушайте, – он шумно выдохнул, пытаясь сохранить самообладание. – Я приехал погостить к дедушке...

– Что он говорит, Матильда? Мне плохо слышно!

Она запрокинула голову вверх и что есть сил завопила в ответ своим скрипучим голосом:

– Он заявляет, что приехал погостить к дедушке, мистер О!

Джек тяжело вздохнул и потер лоб. Наверное, ему стоило представиться и объяснить, кто он такой и почему здесь оказался, но усатая Матильда не давала вставить мальчику ни слова.

– Как он выглядит? – мгновенно оживился дедушка Оливер. – Он достаточно взрослый для того, чтобы стать моим новым помощником?

Матильда прищурила свой черный глаз и внимательно осмотрела Джека с ног до головы, а затем – с головы до ног. Наверное, так она пыталась определить его возраст.

– Достаточно, мистер О, – наконец удовлетворенно продебезжала она. – Мальчонка в самый раз!

– Чудесно, – воскликнул дедушка Оливер, а затем высунул свою взлохмаченную седую голову из округлого окна на втором этаже. – Восхитительно! Тогда скорее веди его в дом, Матильда!

Он приветливо улыбнулся и помахал Джеку своей большой ладонью, а затем исчез так же внезапно, как и появился. В распахнутом настежь окне остался лишь намокший от дождя лоскут старинной портьеры.

Джек молча вздохнул, поднял с сырого крыльца свой тяжелый чемодан, и послушно поплелся вслед за Матильдой. Та уже топталась у входной двери, пытаясь ее открыть, однако упертая дверь никак не желала отворяться. Должно быть, ветхие петли окончательно заржавели от бесконечной сырости.

– Убирайтесь прочь, проклятые трупоеды, – проворчала себе под нос одноглазая старуха, с раздражением разгоняя толстых черных жуков, некстати подвернувшихся на ее пути. – Сегодня вы ничего не получите!

Глубоко оскорбленные подобной бестактностью, насекомые сердито захлопали крыльями, а затем демонстративно принялись расползаться в разные стороны. Вскоре от них не осталось и следа.

Наконец, тяжелая дверь неохотно распахнулась, пронзительно скрипнув, и Матильда тут же юркнула в образовавшуюся щель. Джек поспешил вслед за ней, ускорив шаг.

Прихожая на первом этаже, где он очутился, едва переступив порог, показалась ему странной. Коридор был необычайно длинным и невероятно узким, и невольно напомнил мальчику тамбур старых спальных вагонов, которые ныне покрывались мхом на заброшенной станции Вудсберри, окончательно и бесповоротно затопленной.

Темные кирпичные стены прихожей были густо увешены черно-белыми почтовыми открытками довоенных времен, давно поблекшими детскими рисунками, мятыми личными письмами, а кое-где – даже пожелтевшими от времени счетами за электричество.

– Ступай за мной, мальчонка, – тут же поторопила Матильда, когда Джек притормозил, чтобы рассмотреть одну из таких бумажек.

Он мог поклясться, что в графе, где обычно печатают сумму задолженности, было нечто вроде: «Одна треть невинной души». Прочсть дальше мальчик не смог – Матильда намертво вцепилась крючковатыми пальцами в рукав его намокшей куртки, увлекая за собой в самые недра бесконечного коридора.

– Мистер О живет на втором этаже, – затараторила она, громко клацая квадратными каблуками по каменному полу. – Там же располагаются его лаборатории и кабинет. Прошлый помощник мистера О внезапно исчез, поэтому теперь вместо него будешь ты, мальчонка!

– Исчез? – переспросил Джек, чувствуя, как по спине скользнул холодок. – Как это?

– Так случается, когда не следуешь главным правилам дома, – старуха равнодушно перевернула костлявыми плечами, как будто рассуждала о каких-то сущих пустяках. – Мистер О ведь не зря придумал их. Так что не вздумай нарушать его запреты, мальчонка!

Джек промолчал, невольно поежившись. И бегло огляделся по сторонам.

Они шли уже достаточно долго, но коридор и не думал заканчиваться. А самым ужасным было то, что за все это время он не заметил ни дверей, ни даже крошечного смотрового окошка. Стены были сплошными.

– И что же это за правила?

– Прежде всего, не выходи из дома, когда стемнеет, – скрипнула Матильда, оборачиваясь на ходу и сверкая своим маслянисто-черным глазом. – Это правило здесь главное, мальчонка!

– Но почему? – ахнул Джек. – Что может случиться, если выйти из дома ночью?

Матильда вдруг грустно вздохнула и указала скрюченным пальцем на свою цветастую повязку:

– Если повезет, то вернешься без глаза.

– А если не повезет?

– В таком случае, не вернешься вовсе!

Джек сглотнул ком, застрявший в горле. С каждой новой секундой это место казалось ему все более кошмарным. Этот коридор без дверей, который и не думал заканчиваться, загадочная одноглазая старуха, увлекающая в неизвестность... Мальчика охватило неприятное предчувствие.

– Второе правило дома – не спускайся на первый этаж, пока не прокричит безголовый петух, – продолжала Матильда, будто ни в чем не бывало. – Иначе угодишь в беду, так и знай!

– В какую беду? Секундочку... Безголовый петух?

Джек запоздало понял, что его голос предательски дрожит.

– По ночам в этом коридоре появляются двери, – пояснила чудная помощница дедушки Оливера. – И никто не знает, что именно может выбраться оттуда наружу.

– Но...

– И, наконец, третье правило, – Матильда резко сбавила шаг, отпустила рукав мальчика, повернулась к нему и вновь погрозила указательным пальцем. – Никогда не оставайся под крышей дома в темноте. При себе всегда нужно иметь источник света, понятно?

– Но почему?

– В темноте стены дома начинают напевать всякую чепуху, – старуха сурово зыркнула в лицо Джека. – Поэтому особняк и получил такое название. Вреда от их пения никакого, однако мистеру О очень не по нраву подобное творчество.

– Стены поют? – вытаращив глаза, прошептал Джек. – По-настоящему поют?

– Конечно, – равнодушно проскрипела Матильда. – Правда, у них нет ни капли таланта, да и откуда ему взяться у каменной стены? Но, в любом случае, слушать их не стоит. Ты все понял, мальчонка?

– Как скажете...

Джек умолк и задумчиво брел следом за старухой, стараясь не отставать. После всех этих безумных наставлений Матильды ему стало до ужаса неуютно в бесконечном каменном коридоре, и он все ждал, когда же они наконец оставят его позади.

К счастью, спустя несколько минут вдалеке засияли оранжевым светом округлые своды высокого потолка. Старуха и мальчик вышли в большой светлый холл, посреди которого на длинном деревянном столе горели десятки желтых свечей, и Матильда тут же закрыла на засов литые железные ставни, ведущие обратно в кирпичный тоннель.

За выпуклыми стеклами странного дома дедушки Оливера было совсем темно. Казалось, мглистый сумрак, расстилавшийся снаружи, просачивался сквозь щели в толстых каменных стенах. Отовсюду вдруг поползли темные крадущиеся тени, а вслед за этим где-то над линией горизонта вспыхнул алым лучом причудливый багряный диск, совсем не похожий на луну. Однако Джек не успел рассмотреть его как следует: тощая старуха тут же надвинула на окна пыльные портьеры, и сияние загадочного красного круга исчезло.

– Иди вверх по лестнице, мальчонка, – скомандовала Матильда. – Кабинет мистера О находится на втором этаже, сразу за углом. Он все тебе объяснит.

Джек молча кивнул и двинул к широкой лестнице – такой же деревянной, как и стол, на котором, моргая, дымилась многочисленная свеча. После нескончаемого коридора из кирпичей, освещаемого лишь тусклым светом лампочек, раскачивавшихся под самым потолком, это место показалось мальчику почти по-домашнему уютным. По крайней мере, пока он не заметил огромные холсты, темневшие в массивных медных подрамниках.

На черных гранитных колоннах, теснящих лестничный пролет, висели портреты незнакомых мужчин – угрюмых и отталкивающих, застывших в неестественных позах и сверлящих пустоту мутными зрачками. От одного взгляда на эти одутловатые зеленые лица сердце Джека сжималось в животном порыве необъяснимого ужаса. И кому только могло прийти в голову развесить здесь эти устрашающие картины?

– Просто жуть, да? – прошептал тонкий голосок прямо над ухом Джека, отчего он вздрогнул. – Терпеть не могу этих утопленников!

Джек поднял голову, и встретился взглядом с очаровательной незнакомкой, пританцовывающей на самой верхней ступеньке.

У девочки были большие оливковые глаза, похожие на два океана, подернутые тинной. Смешной вздернутый нос и щеки, усеянные веснушками. Она приветливо улыбнулась Джеку, заметив его смущение.

Затем протянула ему свою изящную ручку и добавила:

– Я Энни, кстати.

Мальчик сдержанно улыбнулся в ответ. И осторожно пожал хрупкую фарфоровую ладошку.

– Ты Джек, да? – продолжала Энни, спустившись еще на несколько ступеней, и наконец поравнявшись со своим новым знакомым. – Я подслушала ваш с Матильдой разговор.

Молча кивнув, Джек неловко перевалился с ноги на ногу. Он чувствовал, как его щеки начинают предательски гореть.

У него никогда не выходило производить приятного впечатления на других. Поэтому у него совсем не было друзей. Для себя Джек давно заключил, что он – закостенелый одиночка. И сейчас, в компании этой кудрявой девчонки, он ощущал себя до ужаса глупо.

– Ты сказала, на картинах изображены утопленники? – немного сбивчиво протянул Джек. – Кто же захочет украшать лестничный пролет портретами мертвецов?

Энни легкомысленно повела плечами, отчего кружевной подол ее цветастого платья пошел задорными волнами. Только сейчас Джек заметил, что девочка была босая – ее бело-снежные стопы то и дело шлепали по деревянным ступеням, словно ей с огромным трудом удавалось устоять на одном месте.

– Мистер О, к примеру, – ответила Энни, вздохнув свои и без того пышные кудри. – Он просто обожает своих мертвых друзей. Я несколько раз пыталась спрятать эти отвратительные картины, но мистер О каждый раз находит их и возвращает на место.

Девочка демонстративно закатила блестящие оливковые глаза к потолку.

– А теперь извини меня, Джек, – вновь зазвенел ее чистый голосок. – Но я должна потопиться, если желаю успеть спрятаться на первом этаже, пока там еще никого нет.

Мальчик озадаченно приподнял брови. Буквально несколько минут назад старая Матильда настойчиво втолковывала ему, что детям не стоит бродить по коридору первого этажа по ночам. Неужели Энни, обитавшая в доме, могла этого не знать?

– Но ведь это запрещено... – начал было он.

– Это запрещено, – со смехом передразнила Энни, оборвав Джека на полуслове. – Поглядим, что ты скажешь, когда я притащу из-за двери нескончаемый трюфельный торт или волчий череп, который всю ночь рассказывает байки!

И, не дожидаясь ответа, девочка упорхнула вниз по лестнице, обронив на прощание лишь:

– Увидимся за завтраком, Джек!

Не зная, что и думать, мальчик еще какое-то время оставался на ступенях, напряженно прислушиваясь к гнетущей тишине, воцарившейся в доме.

Честно признаться, он бы сейчас не отказался от трюфельного торта и чашечки чая – в животе у него уже давно урчало от голода. Кажется, последний раз он ел еще утром.

Он вдруг подумал о том, как, должно быть, сейчас пусто и одиноко в его прежнем доме. В комнатах наверху темно и сыро, а на половицы пола то и дело падают большие капли дождя, просачивающиеся сквозь прохудившуюся крышу. Мать Джека, наверное, уже покинула их убогое пристанище из замшелых кирпичей. И теперь внутри рыхлых стен больше нет ни единой живой души.

Ощувив непонятную тоску, начавшую тихонько, но настойчиво скрести его сердце, Джек стряхнул с себя остатки нерешительности и бодро зашагал вверх по лестнице, преодолев оставшиеся ступени всего за несколько рывков.

Безусловно, это весьма странный дом. И в нем обитают не менее странные люди. Однако кто сказал, что это так уж плохо? В конце концов, не начал ли он размышлять подобно своей матери? Этого мальчику уж точно бы не хотелось.

Именно об этом и думал Джек, стоя у темной дубовой двери, ведущей в кабинет хозяина дома.

«Какие странные следы», – как бы между делом подумал он, заметив на досках внизу полустертые темно-алые полосы, протянувшиеся от лестницы прямо к кабинету дедушки Оливера. Словно кто-то волочил по полу окровавленный мешок.

Однако закончить эту жутковатую мысль Джек не успел. Потому что высокая дубовая дверь, кое-где подернутая пятнами остро пахнущей плесени, неожиданно распахнулась, едва не стукнув мальчика по носу.

Пыльная-пыльная вторая глава

В проеме застыла огромная фигура – дедушка Оливер оказался куда больше и выше, чем помнил Джек.

Несмотря на почтенный возраст и серебряную седину, мистер О выглядел как самый настоящий богатырь: старенький жакет цвета смородины не без труда вмещал его широкие плечи, а ладони хозяина Дома поющих стен показались Джеку настолько массивными, что он невольно подумал о том, что дедушке ничего бы не стоило прикончить кого угодно голыми руками.

Однако мальчику тут же стало стыдно за подобные мысли – вряд ли дедушка Оливер был способен причинить кому-либо вред. Тем более, что он возвышался над своим гостем, сияя самой что ни на есть миролюбивой улыбкой.

– А вот и мой новый помощник! – он воодушевленно похлопал Джека по плечу, отчего тот заметно пошатнулся. – Чудесно, мой мальчик! Уже завтра ты сможешь приступить к своим новым обязанностям, а пока...

Дедушка Оливер осекся и повернул лохматую голову с серебристыми кудрями в сторону занавешенного окна, будто прислушиваясь к тому, что происходит снаружи. По его квадратному лицу пробежала неясная тень.

Мальчик на всякий случай проделал то же самое: напряг слух и принялся сверлить глазами вылинявшие от времени портьеры. Однако не услышал ровным счетом ничего. Лишь порывистый осенний ветер тихо выводил свою заунывную ночную песнь.

– А пока что, мой мальчик, тебе стоит отдохнуть после долгой и изнурительной дороги, – произнес дедушка Оливер наконец, и на его губах вновь заиграла радушная улыбка. – Отправляйся на третий этаж и подбери себе комнату по душе. Можешь выбрать любую. Разумеется, из тех, что еще никем не заняты!

Он коротко хохотнул, зачем-то подмигнул мальчику, а затем повернулся к нему спиной. Быстро запер дверь кабинета небольшим ключом, на всякий случай перепроверив, точно ли она не поддается. Для этого хозяин древнего особняка что есть сил впечатался в нее правым плечом несколько раз. Но дубовая дверь оказалась сделана на славу: ни одна дощечка на ее поверхности не дрогнула, лишь только откуда-то сверху на голову дедушки посыпалась подсохшая плесень.

Удовлетворенно кивнув самому себе, мистер О сунул ключ в карман изношенного жакета и со всего духу припустил к лестнице. Оставив Джека стоять в одиночестве и полном недоумении.

– Но... сэр... – только и сумел промямлить растерявшийся мальчик.

– Позже, мой мальчик, – глухо донеслось откуда-то со стороны ступеней. – Мы непременно все обсудим завтра утром! Непременно!

Джек тяжело вздохнул и понурил голову. Он представлял себе эту встречу совсем не так.

Следуя в тотальную неизвестность в полупустом вагоне поезда, он воображал, как дедушка Оливер обрадуется, завидев на пороге своего дома единственного внука. Как примется обнимать его и притворно-удивленно приговаривать, как же сильно подрос мальчик с момента их последней (и единственной) встречи. А затем, быть может, вручит ему какой-нибудь подарок. Пусть даже это будет чучело белки – Джеку было не так уж и важно.

Однако реальность оказалась менее радостной. Исчезнувший из вида дедушка Оливер даже не узнал в своем новом помощнике того самого малютку Джека.

Да уж, мальчику было о чем погрузиться!

– На вашем месте, юный сэр, я бы не стал принимать происходящее здесь близко к сердцу, – произнес кто-то за его спиной хриплым голосом.

Казалось, будто обладатель странного голоса носит на своей шее один из тех диковинных аппаратов, что нередко заполучали в свое владение заядлые курильщики.

Джек обернулся, готовясь встретиться лицом к лицу с очередным безумным жителем этого не менее безумного дома, однако пролет второго этажа был девственно пуст. Ни души.

Но ведь кто-то только что говорил с мальчиком – в этом не было никаких сомнений.

– Почему же? – на всякий случай поинтересовался он.

В конце концов, есть здесь кто-то или нет, но молчать в ответ – это ужасно невежливо. Тем более, что загадочный незнакомец обращался к нему весьма учтиво. Даже более того – попытался утешить раздосадованного мальчика. Значит, он был великодушен и благороден.

В противном случае, ему бы не было ровным счетом никакого дела до Джека, топтавшегося под опустевшим кабинетом дедушки Оливера.

– Надеюсь, когда-нибудь вы узнаете об этом, – уклончиво просипел голос. – Увы, юный сэръ, я не смею вмешиваться в ход событий.

– Очень жаль, – вздохнул Джек. – Мне бы хотелось наконец услышать хотя бы один ответ.

Мальчик говорил абсолютно искренне – он едва успел прибыть в эту таинственную обитель, а уже окончательно и бесповоротно запутался. Возможно, ему не мешало бы последовать указаниям мистера О, и немедленно отправляться наверх. Подыскать себе комнату из тех, что еще никем не были заняты. Принять ванну, чтобы смыть с себя дорожную пыль, пахнущую вокзалом и ночной сыростью. А затем – смиренно улечься в постель и попытаться уснуть, дожидаясь наступления утра.

Однако мальчик прекрасно осознавал, что ни за что не уснет, пока не поговорит с дедушкой. Или, на худой конец, не разыщет Матильду, чтобы задать ей вопросы, на которые ему неизмеримо хотелось получить ответы.

– Ничуть не сомневаюсь в этом, юный сэръ, – понимающе прохрипел странный голос откуда-то сбоку. – Неукротимое желание находить ответы на любые вопросы свойственно пылливой человеческой природе, не способной принимать никакую данность. Если с неба проливается дождь, человек непременно должен понять, почему это происходит. Поэтому я убежден в том, что вы, в конце концов, получите ответы на все свои вопросы, юный сэръ.

– Спасибо... – смущенно протянул Джек, не совсем понимая, как ему вообще следует реагировать на подобные слова. – Ну, а вы?.. Разве вас не раздражает, когда вы чего-то не понимаете?

– О нет, юный сэръ, – твердо захрипел голос. – Нужно быть глупцом, чтобы полагать, что ответы способны даровать прозрение. Они лишь порождают новые вопросы.

Джек озадаченно почесал затылок.

Безусловно, беседовать с этим голосом было очень увлекательно. Однако с каждой новой фразой он понимал все меньше и меньше. У мальчика даже сложилось ощущение, будто его новый незримый приятель пытается ему что-то сказать, делая это настолько витиевато, чтобы его скрытые намеки больше никто не был в силах понять. Беда заключалась лишь в том, что Джек их тоже не понимал.

– Значит, вы хотите сказать, – не слишком уверенно начал мальчик. – Что мне не стоит тратить время на поиск ответов, даже если у меня возникает все больше вопросов?

– Вовсе нет, юный сэръ, – проскрежетал голос. – Нужно быть глупцом, чтобы не пытаться найти ответы на свои вопросы.

– Но ведь вы только что... – уже собирался возразить Джек, однако передумал на ходу, решив прекратить эту бессмысленную тему. – Скажите, почему я не вижу вас? Я отчетливо слышу ваш голос, но не могу понять, откуда он исходит – вокруг меня нет ни единой живой души.

Закончив фразу, Джек на всякий случай еще раз внимательно огляделся, обернувшись вокруг своей оси несколько раз.

Совершенно пусто. Парочка наглухо заколоченных дверей, темнеющих с противоположной стороны. Большое округлое окно, занавешенное линиями портьерами с изображением каких-то невиданных растений. На безликих каменных стенах цвета кобальта – потускневшие от времени медные канделябры с оплывшими желтыми свечами, какие Джек уже встречал на первом этаже. Помятая фетровая шляпа на настенном крюке, очевидно, давным-давно забытая кем-то. И больше ровным счетом ничего.

– Я и сам не вижу вас, юный сэра, – Признаться честно, я уже много лет не вижу абсолютно ничего.

– О, – мальчик с искренним сожалением посмотрел в пустоту перед собой, откуда, как ему казалось, исходил хриплый голос незнакомца. – Мне очень жаль, что вы ослепли!

– Я вовсе не слепой, – возразил невидимый собеседник. – Все дело в шляпе, юный сэра.

Джек непонимающе наморщил лоб и медленно повторил:

– Дело в шляпе?

– О да. Так и есть, юный сэра.

«Этот голос просто обожает рассуждать загадками. Наверняка он снова имеет в виду совсем не то, о чем говорит», – подумал Джек.

Будто каким-то неведомым образом подслушав его мысли, голос неожиданно добавил:

– Я нахожусь прямо рядом с вами, юный сэра.

– Но где же?

– Если вы будете столь любезны и снимите со стены потрепанный котелок из фетра, то обнаружите под ним меня, – сипло ответил голос.

От удивления пшеничные брови Джека поползли вверх.

Разве человек способен уместиться под столь небольшой вещью? К тому же, что он вообще делает на стенном крюке? Почему бы ему самому не стряхнуть с себя мятую шляпу и не спуститься вниз?

Осторожно протянув ладонь к висящему на стене головному убору, Джек ухватил его за широкие поля и не слишком уверенно стащил вниз, стараясь обращаться с вещью как можно аккуратнее. Кто знает, какое диковинное существо могло обитать под ее сводами?

Наконец, рука мальчика с зажатой в ней шляпой медленно опустилась вниз, явив того, кто невольно был заточен под ней многие годы. И Джек едва сумел сдержать изумленный вопль – на него с неподдельным интересом уставились два круглых черных глаза. Таких пронзительных и безжизненно-застывших, что мальчику мгновенно стало не по себе.

– Вы... – запнулся он, продолжая стоять с разинутым от ошеломления ртом. – Вы птица!

– Ворон, если говорить точнее, – поправил мальчика хриплый голос.

И Джек вновь едва не вскрикнул от представшей перед ним невообразимой картины: при этих словах острый птичий клюв почти незаметно раскрылся, и отсыревший серый коридор второго этажа заполнил уже хорошо знакомый Джеку скрежещущий баритон.

– Невероятно... – только и смог он выдать из себя.

Джек во все глаза уставился на своего необычайного собеседника, выронив из рук мятый-пермятый котелок.

Птица казалась огромной – мальчик не представлял себе, как она вообще могла уместиться под шляпой. Смолянисто-черные перья ворона, покрытые слоем сизой пыли, топорщились во все стороны. Он прилежно висел на каменной кладке, подвешенный за веревочную петельку, повернув голову вбок и внимательно изучая своего гостя парой не моргающих птичьих глаз.

– Я весьма признателен вам, юный сэра, – продолжал ворон как ни в чем не бывало. – За то, что вы избавили меня от этой ненавистной шляпы. Признаюсь вам – коротать десятилетия под ее полями было не слишком занимательно.

Закончив фразу, он почти незаметно шевельнул сложенными крыльями, будто силясь их расправить после долгого заточения. Однако этого почему-то не произошло. Только несколько больших пылинок, прилипших к кончикам его перьев, медленно закружили во влажном воздухе.

– Почему же вы не покинули этот крюк? – произнес мальчик, уже почти оправившись от изумления. – Зачем продолжаете висеть на нем?

– Юный сэръ, я всего лишь чучело, – невозмутимо прокаркала птица. – Когда-то давно, в былые времена, я располагался на удобной, отполированной до блеска полке в настенном шкафу, где было полным-полно таких же пыльных чучел, как и я. Но затем, одной ненастной ночью, меня схватили и принесли в сей дом. С тех пор мои дни пролетали один за другим на этой самой стене. Пока какое-то время назад на меня, помимо всего прочего, не набросили смятый котелок.

– Это ужасно, – искренне посочувствовал мальчик. – Зачем же вас похитили, если бросили напрасно пылиться в коридоре на стене?

– На самом деле, я был изрядно запылен и до похищения, – уточнило чучело, сверкая черными глазами. – Позвольте представиться, юный сэръ: при набивке чучельник нарек меня Пыльным Вороном. А как ваше имя?

– Джек, – вежливо ответил мальчик. – Меня зовут Джек.

И тут же громко чихнул. Поскольку учтивый Пыльный Ворон, очевидно, безуспешно попытался протянуть новому другу свое одеревеневшее крыло, отчего с его перьев во все стороны снова посыпались бархатистые крупинки слежавшейся пыли.

– О, простите меня, юный Джек, – поспешил прокаркать ворон. – Я должен был сразу предупредить вас о том, что меня набили книжной пылью, а не древесными опилками. Надеюсь, это не доставляет вам особых неудобств?

Мальчик покачал головой, с трудом сдерживаясь, чтобы не чихнуть еще раз. В его носу противно пощипывало от всей той трухи, что он успел вдохнуть. Кроме того, она кружила вокруг птичьего чучела будто рой навязчивой мошкары, то и дело упархивая в сторону мальчика и забираясь в его ноздри.

– Вовсе нет, – солгал он. – Не переживайте об этом, мистер Пыльный Ворон. Я очень рад нашей встрече...

И, не сумев сдержаться, Джек еще раз оглушительно чихнул.

Пыльный Ворон озадаченно сощурил эбонитовые глаза и встревоженно прокаркал:

– Я постараюсь не шевелиться, юный Джек.

– Не стоит, – отмахнулся мальчик. – Я в полном порядке!

Чучело смерило своего собеседника пронзительным взглядом, немного помолчало и уверенно добавило:

– Все же, для вашего здоровья будет куда полезнее, если вы не станете вдыхать столько книжной пыли. Я ведь все равно давно мертв, юный Джек. И вполне могу обходиться без движения многие-многие годы.

Мальчик лишь согласно кивнул в ответ.

«Должно быть, это ужасно тоскливо проводить свою жизнь вот так – оставаясь на ледяной отсыревшей стене в полном одиночестве. Да еще и когда на тебя сверху кто-то набросил свою старую шляпу», – размышлял он про себя.

Джеку стало жаль пыльное птичье чучело. Он представил себе, каково здесь, в этих одиноких коридорах, по ночам. Когда каменный особняк застывает в полночном оцепенении и вокруг нет ни души. Высокие узкие окна снаружи скребут голые колючие ветки, повсюду расползаются мрачные тени, порожденные свечными огарками, а издали доносится приглушенное уханье совы.

Сердце мальчика сжалось от неясной тоски. Если бы его когда-нибудь постигла подобная участь, он бы предпочел умереть.

Вот только мог ли умереть Пыльный Ворон?

Если ты и так давно мертв и превратился в чучело, набитое книжной пылью, то все, что ждет тебя впереди – это бесконечные столетия пустоты, проносающиеся одно за другим, как станции за окнами полупустого вагона поезда.

– Вас вновь что-то огорчило, юный Джек? – проницательно подметил Пыльный Ворон.

– Как вам удастся угадывать мои чувства? – удивился мальчик, вынырнув из своих сумрачных размышлений. – Ведь в первый раз вы находились под шляпой и даже не могли видеть моего лица?

Чучело подмигнуло Джеку одним глазом, а затем загадочно прохрипело:

– Для того, чтобы видеть чью-то душу, не нужны глаза. Так что же вас гнетет, мой маленький друг?

Джек шагнул к серой каменной стене, на которой было подвешено черное чучело, оперся о шербатые булыжники спиной, и сделал тяжелый вдох. Казалось, что его грудь сдавливали ледяные железные тиски.

– Мне грустно думать о том, как вам здесь, наверное, одиноко.

– Признаться, в этом месте действительно не слишком радостно, – согласилось чучело, каркая теперь прямо над головой Джека. – В шкафу у чучельника, по крайней мере, меня всегда окружали друзья. Мы коротали безликие годы, беседуя по ночам, и это были изумительные беседы, юный Джек. Когда прошлое стерто и позабыто, а будущего попросту не существует, то единственное, что способно согреть каменеющее сердце – это долгие разговоры в темноте.

Джек промолчал, вновь наморщив лоб и задумавшись о чем-то своем. Но уже спустя несколько секунд на его лице отразилось странное возбуждение: отпрянув от шершавой стены, он с надеждой поглядел в мертвые глаза Пыльного Ворона:

– А где же находится шкаф чучельника? Может, я смогу вернуть вас домой?

Пыльный Ворон слегка качнул блестящим клювом:

– Вряд ли это возможно, юный Джек.

– Но почему?

– Мир, в котором я обитал, надежно спрятан за одной из тех дверей, что появляются в этой молчаливой обители по ночам. Я ни за что не смогу вспомнить, какая из них ведет в верном направлении, ведь похититель предусмотрительно набросил на мою голову носовой платок. А открывать все двери без разбора – сущее безумие. Увы, мой маленький друг, мне не суждено вернуться домой.

Опешив от услышанного, Джек уставился на говорящее чучело, не сразу подобрав слова для того, чтобы ему ответить.

– Выходит, – сбивчиво начал мальчик, с трудом совладав с охватившим его волнением. – Кто-то однажды проник за дверь, несмотря на суровый запрет? И похитил вас из шкафа чучельника?

– Все верно, юный Джек, – кивнула птица, и с ее клюва упало еще несколько больших пылинок, похожих на грязные снежинки.

Мальчик нахмурился.

В его голове тут же пронеслась одна колкая догадка. Догадка, от которой ему почему-то стало ужасно грустно. Уже в который раз за эту ночь.

– Недавно я столкнулся на лестнице с зеленоглазой девчонкой, – сокрушенно произнес он. – Ее зовут Энни, и, как я догадываюсь, она нередко нарушает правила этого дома...

– Я знаю, что вы пытаетесь сказать мне, маленький друг, – поспешил оборвать его Пыльный Ворон. – Но смею вас заверить – это никак не могла быть мисс Энни.

Джек ощутил, как с его души упал неимоверно тяжелый камень. Да, ему бы совсем не хотелось, чтобы эта девочка со смешным носом и пятнами веснушек на щеках оказалась злодейкой.

Он даже едва сумел сдержать улыбку облегчения – счел, что момент для этого не самый подходящий, ведь Пыльный Ворон, пристально наблюдавший за ним, мог ненароком заключить, будто мальчик не воспринимает его испытания всерьез. А это было совсем не так. Джек очень хотел помочь одинокому птичьему чучелу.

На всякий случай, чтобы уж точно не оставалось никаких сомнений, Джек все же решил уточнить:

– Почему вы так в этом уверены? Я своими ушами слышал, как Энни заявляла о том, что собирается прокрасться на первый этаж.

– Я вишу на этом крюке уже очень много лет, юный Джек, – ответил ворон. – Гораздо, гораздо дольше, чем вы можете себе представить. В ту ночь, когда меня забрали из шкафа чучельника, малышки Энни еще попросту не существовало.

Хитро сощуриив остекленевшие глаза, пыльное чучело издало звук, больше всего походивший на короткий смешок. Очевидно, ему и впрямь ничего не стоило заглянуть в чужую душу и прочесть все чувства, которые в ней скрывались. Во всяком случае, Джек был твердо в этом убежден.

– Юный Джек, – хриплый голос снова стал серьезным. – Я был безмерно рад нашей встрече и тому, что вы нашли время для того, чтобы побеседовать со старым чучелом. Однако час близится к полуночи, и вам стоит отправляться наверх, чтобы подготовиться ко сну.

– Ну уж нет, – возмутился Джек. – Я ни за что не оставляю вас здесь, мистер Пыльный Ворон! Если я не могу вернуть вас домой, то хотя бы на какое-то время избавлю от одиночества и заберу с собой... Если, конечно, вы будете не против...

Последнюю фразу мальчик произнес отнюдь не так бодро и горячо, как первую. А когда проямлил последние слова, и вовсе покраснел, бросив на чучело взгляд, полный неуверенности.

Что, если Пыльный Ворон откажется следовать с ним? С чего Джек вообще взял, что птице может быть приятна компания обыкновенного человека, да еще и, к тому же, глупого пятнадцатилетнего мальчишки?

Возможно, чучело предпочтет оставаться здесь и ничего не менять. Ведь провисело же оно, в конце концов, на этом настенном крюке столько одиноких лет.

– Я был бы неимоверно вам благодарен за это, маленький друг, – немного поразмыслив, произнес вороний клюв. – Чувство такта ни за что не позволило бы мне просить вас об этом. Если я не стану обузой для вас, юный Джек, я буду рад провести с вами столько времени, сколько вам будет не жаль отмерять старому пыльному чучелу...

Не дожидаясь, пока Пыльный Ворон договорит, Джек одним рывком стащил его с покрывшегося ржавой патиной крюка, осторожно сунул подмышку (так, чтобы это никоим образом не могло обидеть вежливую птицу), подхватил свободной рукой свой дорожный чемодан и поспешил к лестничному пролету, на ходу неосторожно запнувшись о валявшуюся на полу шляпу.

Если бы Джек был достаточно внимателен (или, быть может, не так сильно увлечен своим новым приятелем), то мог бы заметить, что на смятых полях старого котелка, некстати ткнувшегося ему в ноги, изнутри была пришита именная тканевая бирка.

«Оливер Питерс Мл.», – вот что было на ней написано.

И это означало, что забытая шляпа принадлежала некоему Оливеру Питерсу младшему. Удивительно, но именно так звали отца мальчика, которого он не видел уже много лет.

Однако Джек не обратил на перевернутую шляпу ровным счетом никакого внимания. Он тащился вверх по деревянным ступеням, освещенным бегающим сиянием множества желтых

свечей, и безостановочно чихал. А после раз за разом убеждал не перестающего извиняться Пыльного Ворона в том, что он в полном порядке и чувствует себя лучше, чем когда бы то ни было.

Вот почему Джек не мог заметить того, что происходило с забытым котелком далее.

Когда в коридоре второго этажа не стало совсем никого – ни самого мальчика, ни птичьего чучела, мятые поля шляпы подернулись едва заметными волнами, словно кто-то невидимый пытался расправить их, дергая вверх-вниз. А затем головной убор, покачнувшись, описал круг по сумрачному коридору, и сам собой покатился к занавешенному окну.

Достигнув края вылинявшей портьеры, котелок задержался в яростном приступе, будто раненное животное в предсмертной агонии. На дне шляпы, еще недавно бывшем совершенно пустым, заклокотала темно-бурая жидкость. Она пенилась и пузырилась, как вскипающая в чайнике вода. И вскоре начала переливаться за фетровые бортики котелка, окрашивая деревянные половицы в цвет несвежей, застоявшейся крови.

И тут случилось что-то совсем уж невообразимое. Шляпа принялась медленно подниматься в воздухе, продолжая истекать затхлой кровью. Перевернулась где-то под самым потолком и замерла.

Темно-багряные струи все ниспадали и ниспадали вниз, частично окрашивая собой бестелесную фигуру, застывшую у окна. Как будто проявляя кровавыми чернилами ее призрачную оболочку. И вскоре в странном силуэте, прячущемся в темноте, куда почти не доставал свет желтых свечей, можно было узнать человеческую фигуру.

Но все это длилось недолго – едва движущийся кровавый поток коснулся досок, освещенных золотистым сиянием, и кровоточащая шляпа, и ее незримый обладатель исчезли.

В волглom каменном коридоре второго этажа вновь воцарился гнетущий покой.

Глава третья, безрассудная

Джек в смятении замер у большой арки, за которой пестрили многочисленные двери. И все они были совершенно разными: деревянными, железными, низкими, высокими, алыми, сизыми, черными и снежно-белыми. На некоторых виднелись странные узоры, другие были оклеены чем попало, третьи же выглядели так, словно не единожды страдали от пожара. На одних поблескивали именные таблички, на других остались лишь следы от гвоздей, которыми, очевидно, некогда их приколачивали.

– Да уж, здесь есть из чего выбирать, – подумал Джек вслух, опуская на пол тяжелый чемодан. – Глаза так и разбегаются по сторонам!

– Весьма похоже на жизнь, верно, мой маленький друг? – загадочно прокаркало чучело. – Столько вариантов, но лишь один из них предназначен для вас.

– Дедушка Оливер сказал, что я могу занять любую комнату, – немного подумав, ответил мальчик.

– Это так, – согласился Пыльный Ворон. – Однако если вы займете не свою, юный Джек, то можете помешать тому, для кого она была предназначена.

Джек помолчал, почесав холодный нос. Он пытался обдумать смысл слов мертвой птицы, но, как и прежде, у него мало что выходило. Рассуждения Пыльного Ворона все еще казались чрезмерно витиеватыми и пространными.

– Но как понять, на какой именно двери мне следует остановить свой выбор?

– Все станет очевидным, – прохрипела птица. – Как только вы окажетесь рядом с ней. Поэтому не спеши, маленький друг: лучше потратить время на поиск своего, чем всю жизнь на горькие сожаления.

Джек поднял со слегка поскрипывавших половых досок дорожный чемодан, сделал глубокий вдох и решительно шагнул в полутьму.

«Наверное, сегодня мне ни за что с этим не управиться», – меланхолично размышлял он, стараясь не выдавать своих чувств.

Ему вовсе не хотелось, чтобы новый приятель счел его малодушным ничтожеством, готовым опустить руки перед малейшим препятствием. Даже если это и было правдой.

Отчаяние мальчика легко было понять – коридор третьего этажа, такой же бесконечно длинный и узкий, как и тот, через который он следовал вместе с Матильдой двумя этажами ниже, сплошь состоял из разномастных дверей. Казалось сущим безумием отыскать среди этого множества пестрых прямоугольников ту самую дверь. Да и возможно ли это вообще?

Чтобы хоть как-то взбодриться и настроиться на нужный лад, Джек решил сперва обойти все двери, которые здесь только были. И, если ничего не выйдет с первого раза, он попробует еще. В крайнем случае, если отыскать нужную дверь у него так и не получится, он всегда может попросить мудрого совета у Пыльного Ворона. Птичье чучело явно знало об этом месте куда больше, чем говорило – в этом мальчик был совершенно уверен.

Немного воспряв духом, он зашагал по узкому проходу, стараясь не слишком спешить.

Джек исправно вертел головой то в одну, то в другую сторону, пытаясь обнаружить какие-либо тайные знаки, которые могли бы указать ему на нужную комнату. Но ничего такого не случилось – это было просто великое множество вычурных дверей, и любая из них, как думал про себя мальчик, вполне могла оказаться подходящей.

Он все брел, брел и брел вперед, а узкий коридор все не кончался и не кончался.

В нем было тихо и холодно как в саркофаге. Лишь изредка мертвое безмолвие нарушал едва различимый звук падающих на половицы восковых капель. В этом месте, как и в остальных уголках Дома поющих стен, для освещения использовались длинные желтые свечи в медных канделябрах, печально накренившие свои пылающие головы книзу.

Двери мелькали одна за другой, и вскоре Джек ощутил давящую усталость. Впереди уже виднелся каменный тупик, в который упирался коридор третьего этажа, а мальчику все не везло. В глазах рябило от бесконечного круговорота ярких красок и всевозможных текстур, да так сильно, что в какой-то момент к горлу Джека подкатила предательская тошнота.

Он устал, был чертовски голоден, растерян и, к тому же, изрядно продрог. Намокшие шерстяные брюки при каждом шаге облепляли его худые ноги, заставляя безостановочно морщиться от холода, а в коричневых осенних ботинках противно хлюпала дождевая вода.

Больше всего на свете Джеку сейчас хотелось ввалиться в первую попавшуюся комнату, сменить носки и выпить горячего чая с молоком.

– Не отчаивайся, маленький друг, – утешающе прохрипел голос, когда впереди замаячила глухая стена.

Коридор третьего этажа кончился. Оставалось всего две двери по правую сторону – единственные комнаты, мимо которых мальчик не успел еще пройти.

В носу у Джека противно защипало. Но на этот раз не от пыли, а от разочарования и обиды. Очевидно, ему и в самом деле придется таскаться по этому злополучному этажу всю ночь в глупой надежде на то, что в конечном итоге на него снизойдет какое-нибудь озарение.

Опустошенно выдохнув, он замедлил шаг. Затем остановился у предпоследней комнаты. Опустил на пол чемодан, казавшийся ему теперь невыносимо тяжелым. Поддрагивающими руками водрузил сверху пыльное чучело. И бездумно уставился на ярко-розовую дверь, разрисованную толстыми детскими фломастерами.

На ее поверхности кувыркались, потягивались и всячески дурачились неумело нарисованные коты. Они были настолько нелепыми, лишенными всяких логических пропорций, и такими толстыми, что мальчик невольно улыбнулся. А затем поднял глаза повыше и обомлел.

– Комната Энни! – воскликнул он.

«Энни Стоун», – подтверждала латунная табличка, прибитая к девчачье-розовой двери парочкой кривых гвоздей.

Сам не зная почему, в это самое мгновение Джек ощутил себя гораздо лучше. Ему вдруг стало так спокойно и уютно на сердце, словно кто-то набросил на его замерзшие плечи толстое стеганое одеяло. Или наконец напоил кружкой горячего сладкого чая.

Это и в самом деле непередаваемое чувство – встретить что-нибудь знакомое в месте, которое кажется тебе таким непознанным, чужеродным и даже отталкивающе-жутким.

– Это ведь ее комната, верно? – на всякий случай спросил он у Пыльного Ворона, смиренно темневшего грудой перьев верхом на потертом чемодане. – Той самой Энни?

– Разумеется, – чучело блеснуло черными глазами.

«Как было бы здорово жить по соседству», – подумал Джек.

И весь этот угрюмый дом, и его промозглый третий этаж мигом бы заиграли другими оттенками, знай Джек, что за стеной его спальни уютится Энни.

Тому, кто обитал в соседней комнате, несказанно повезло. Он успел заприметить краем глаза прямоугольник металла с выдавленными на нем буквами, когда бегло осматривал эту часть коридора – крайняя спальня была занята. Увы, у Энни Стоун уже был сосед.

Мальчик бы все отдал за то, чтобы оказаться на его месте. Кем бы он ни был.

Джек вздохнул и нехотя перевел взгляд на самую последнюю дверь. И обомлел от удивления.

На ее тщательно отшлифованной поверхности цвета черного шоколада висела именная табличка – такая же, что была приколочена к розовой двери босоногой девчонки. И на ней поблескивали до ужаса знакомые буквы.

– Моя комната! – радостно выпалил Джек. – На этой двери мое имя!

Не помня себя от счастья, Джек подхватил одной рукой и чемодан, и чучело птицы, будто внезапно ощутив неистовый прилив сил. А второй решительно толкнул темную деревянную дверь с надписью «Джек Питерс». И наконец вошел в свою комнату.

– Если бы я только знал, что моя дверь окажется в самом конце, – воскликнул он, оглядываясь по сторонам и изучая свое новое жилище. – Я бы сразу прекратил поиски и направился туда!

Казалось, словно кто-то прочел мысли мальчика, и в точности воплотил все его мечты в этом странном месте.

Стены спальни были оклеены сине-сизыми обоями, изображающими бескрайнее ночное небо. То тут, то там на его бездонном полотне легкомысленно подмигивали фиолетовые и золотые звезды, казавшиеся на удивление правдоподобными. Даже чересчур, как отметил про себя мельком мальчик.

Вверху, под самым потолком, медленно перекатывалась полная луна. Разумеется, не настоящая, а всего лишь светильник в резном абажуре, до ужаса похожий на ночную спутницу земли.

Казалось, что Джек каким-то невероятным образом угодил в сказочный мир, наполненный одним лишь сиянием небесных светил. И это приводило его в неопишуемый, по-детски бесконечный восторг. Поскольку вряд ли на этой планете когда-либо существовал еще один ребенок, который столь горячо любил бы созерцать ночной небосвод.

Продолжая разглядывать спальню с широко раскрытым от восхищения ртом, Джек на ходу опустил свой чемодан у пузатого лакированного шкафа, а затем шагнул к невысокому комоду, стоящему неподалеку от входной двери, и осторожно водрузил на него птичье чучело.

– Это невозможно, мой маленький друг, – возразил Пыльный Ворон, которому явно пришлось по душе его новое место обитания.

Мальчик не зря выбрал именно комод – его крышка была отполирована до зеркального блеска, и наверняка была ничуть не хуже той лакированной полки в шкафу у чучельника, на которой некогда проживал Пыльный Ворон.

– Но почему? – удивился Джек. – Ведь дверь, которую я искал, оказалась самой последней. Эх, если бы я начал не с того конца...

Он замолчал, остановившись посреди комнаты, и задумчиво почесал кончик носа.

В спальне было сухо и тепло, и мальчик понемногу начал согреваться. Еще бы кто-нибудь предложил ему поздний ужин – и этот день вполне мог сойти за один из тех, о которых спустя время резко меняешь свое мнение.

– То, что ты ищешь, мой маленький друг, неизбежно оказывается в самом конце, – прокаркала мертвая птица. – Потому что, обретая желаемое, ты прекращаешь свои поиски. Следовательно, откуда бы ты ни начал, это всегда будет начало.

Джек впервые за последнее время ощущал себя по-настоящему счастливым, и поэтому не стал продолжать этот запутанный разговор. Просто заключил про себя, что старому чучелу, вероятно, виднее.

Распахнув створки гардероба и подтащив чемодан поближе, мальчик уселся на пол и принялся копошиться в своих пожитках. Ему нестерпимо хотелось наконец сменить носки. Однако, как он ни пытался отыскать запасные, ему это никак не удавалось. В конце концов, когда он полностью опустошил свой саквояж, выяснилось, что никаких сменных носков-то у него и нет. Только осенние куртки, несколько пар теплых штанов и парочка школьных рубашек с накрахмаленными воротничками – такими тугими, что ему каждый раз казалось, что он вот-вот задохнется.

– А это здесь откуда? – слегка разочарованно пробормотал Джек, когда на дне дорожного чемодана не осталось ничего, кроме бесформенной груды слежавшегося меха.

Он извлек наружу грязный рыже-коричневый комочек и задумчиво повертел его в руках.

Джек был убежден в том, что чучело белки, которое ему некогда преподнес в качестве подарка дедушка Оливер, давным-давно затерялось в одном из тех домов, которые они с матерью меняли словно перчатки. Как оказалось, мальчик ошибался.

Должно быть, старое беличье чучело все это время валялось в куче тряпья в самом дальнем углу платяного шкафа, куда Джек обыкновенно сваливал ненужные вещи или же те, из которых безнадежно вырос.

Немного поразмыслив, он смахнул со смятой белки налипшие ворсинки, и, не задумываясь, опустил ее на комод, где уже темнел остроконечным оперением большой Пыльный Ворон.

Раз уж Джека угораздило притащить усохшее чучело в дом дедушки Оливера, было бы глупо избавляться от него. Тем более, что дедушка наверняка бы оскорбился, заметь он в мусорной корзине свой подарок.

– Невероятно! – хрипло прокаркал ворон. – Леди Белка, как вы здесь оказались?

Джек отложил в сторону вымокшие насквозь носки, которые он секунду назад стащил со своих заледеневших стоп, и с удивлением уставился на Пыльного Ворона:

– Вы знакомы с этим чучелом?

– О да, мой маленький друг. Леди Белка была одной из тех, кто появился в шкафу чучельника в самую первую очередь. Это очень, очень древнее чучело.

– Но... – сбивчиво начал Джек. – Я никогда не слышал, чтобы она разговаривала...

– Разумеется, – едва заметно кивнула черная птица, и на гладкую крышку комода тут же осело несколько разлапистых пылинок. – Ведь она набита скорлупой от миндальных орехов. Леди Белка не говорит, однако она все слышит и прекрасно понимает.

– Надо же, – только и нашел, что ответить Джек.

«Выходит», – подумал он. – «Той злополучной ночью вор стащил со шкафной полки не только чучело ворона... Но ведь... Это дедушка Оливер подарил мне Леди Белку. Не означает ли это...».

Мальчик бросил обеспокоенный взгляд в сторону старых чучел. Не может быть, чтобы дедушка Оливер пошел на столь неприглядный поступок. Да и зачем хозяину Дома поющих стен нарушать собственный запрет?.. Нет, он никак не мог быть тем самым похитителем. Наверняка здесь все не так просто.

Немного успокоившись и кое-как уняв нарастающую тревогу, мальчик произнес:

– Хорошо, что рядом с вами теперь есть старый знакомый...

Сделав сдавленный вдох, Джек без сил рухнул на постель, заправленную пушистым пледом цвета ежевичного варенья (и пахнувшим ровно так же. Ненадолго прикрыл глаза и постарался выровнять дыхание.

– Я буду благодарен вам до тех пор, пока окончательно не исчезну с лица земли, – слегка поклонившись и рассыпав сноп серой пыли, ответил мертвый ворон. – Вы настоящий друг, юный Джек.

Если бы Пыльный Ворон только знал, какие невыносимо тяжелые мысли пронеслись в этот момент в голове несчастного мальчика. Ужасная догадка нещадно терзала его молодое сердце, вгрызаясь в него острыми как кинжал зубами.

Продолжало бы чучело птицы отзываться о Джеке с той же теплотой, окажись мистер О тем самым вором? Едва ли...

– Вам бы следовало отдохнуть, – неожиданно каркнул Пыльный Ворон. – Усталость нередко играет с сознанием злую шутку.

Возможно, чучело догадывалось о том, что именно встревожило мальчика. Все же, это была весьма проницательная птица.

Джек молча кивнул и повернулся на бок, подсунув под щеку обветренные руки.

За окном его комнаты расстился красноватый сумрак – сюда настырная Матильда добраться не успела, так что некому было надвинуть на оконную раму ветхие гобеленовые портьеры.

В этом призрачном алом сиянии колючие кусты, застывшие внизу, казались зловещими существами из другого мира. Мокрая тропинка, наполовину заваленная опавшими желтыми листьями, ускользала куда-то в неизведанную пустоту, обвивая старинный особняк подобно тонкой юркой змее. Если не брать в расчет тревожный красный свет, лившийся на дом откуда-то сверху, снаружи было совершенно темно.

Вздыхнув, мальчик перекатился на спину, закрыл глаза и широко зевнул.

Будто заметив перемену в его настроении, потолочный светильник сам собой приглушил свет, заодно сменив оттенок с золотисто-желтого на глубокий фиолетовый. Только этого и поджидая, ранее бегло перемигивающиеся звезды на обоях принялись вовсю кружить в странном танце, упархивая с места на место и то и дело складываясь в целые созвездия.

И даже душераздирающий вой стылого ветра за окнами дома оборвался, жалобно заставив в конце. Все вокруг затихло и приготовилось к долгой осенней ночи.

– Добрых снов, мой маленький друг, – тихо хрипнуло старое чучело.

Под отяжелевшими от усталости веками Джека понемногу начинали зарождаться сновидения. Пугливые и суетливые, они все никак не могли решить, какими именно они желают предстать перед глазами дремлющего мальчика, и поэтому метались, перетекая на ходу из одного в совершенно другое.

Джек уже почти погрузился в глубокий сон, когда умиротворяющий покой его новой спальни неожиданно и весьма грубо прервали. Кто-то настойчиво постучал в его запертую дверь.

Встревоженные внезапной суетой, золотые и синие звезды на обоях бросились врассыпную, будто застигнутые врасплох. Пурпурная луна под потолком замерцала, гневно закачавшись из стороны в сторону. И даже Пыльный Ворон, неподвижно застывший на комод, встрепенулся.

Сперва Джек решил, что слишком устал для того, чтобы вставать с постели. Глаза предательски слипались, а руки и ноги казались неподъемными – настолько тяжелыми, будто внутри у мальчика были не кости, а титановые стержни. К тому же, известные правила приличия гласили: вы можете не отвечать ночным визитерам, кем бы они ни были.

Однако тот, кто стоял у двери, оказался крайне назойлив, и, несмотря на поздний час, явно не собирался убраться восвояси: стук повторился снова.

– Кто бы это мог быть... – сонно пробормотал мальчик, нехотя поднимаясь с кровати.

Босиком прошлепав до двери цвета темного шоколада, он схватился за круглую ручку и потянул ее на себя.

– Наконец-то! – зазвенел из коридора знакомый тонкий голосок, похожий на песнь серебряных колокольчиков. – Я уже начала опасаться, что мне придется взрывать под твоей спальней серные бомбочки.

Не дожидаясь приглашения, Энни юркнула внутрь, с любопытством осмотрела обстановку, еще больше распахнув и без того огромные оливковые глаза, и добавила:

– Как здесь необычайно мило!.. Любишь звезды?

Мальчик молча кивнул, продолжая стоять у распахнутой двери.

– Джек, мне очень нужна твоя помощь, – произнесла кудрявая девчонка, когда ее интерес к комнате Джека заметно поубавился. – Ты ведь сможешь мне, правда? Прошу тебя!

Энни сложила белоснежные ладошки в молитвенной позе, а затем прижала изящные ручки к своей груди.

Должно быть, так она пыталась показать Джеку, насколько сильно нуждается в нем. Однако лукавый блеск в ее болотно-зеленых глазах явно указывал на то, что девочка почти

наверняка вытворила нечто такое, что теперь отчаянно пытается исправить, дабы избежать наказания. И для этого ей нужен был Джек.

– Твоя тайная вылазка на первый этаж закончилась не так, как ты предполагала? – догадался он, с трудом натягивая на стопы все еще влажные носки.

– Ну... Не то, чтобы прям уж... – девочка наморщила смешной нос и вздохнула. – Все было бы хорошо, если бы за мной не увязался Питти! Он убежал за одну из дверей, и теперь я понятия не имею, где его искать. Если мистер О узнает об этом, мне несдобровать, Джек!

– Питти?

Джек удивленно приподнял брови. До этого момента он не слышал ни о каком таком Питти.

– Безголовый петух, – коротко пояснила Энни, притопывая на месте босыми стопами. – Ему скучно сидеть на своем насесте, так что он часто увязывается за мной по пятам, когда я брожу по дому. Вот и этой ночью он сперва тащился за мной, а потом внезапно забежал за одну из тех дверей.

Мальчик подошел к своей смятой постели, опустился на ее край, подтянул к себе осенние ботинки, пахнущие мокрой коровьей шкурой, и не без труда просунул в них ноги. Не слишком-то стараясь, затянул толстые темно-коричневые шнурки. И поднял взгляд на свою ночную гостью:

– И что же произойдет, если не вернуть Питти на место?

– Это будет настоящая катастрофа! – по лицу девочки скользнул неподдельный страх. – Если он не прокричит на рассвете, мистер О сразу же поймет, что с Питти что-то произошло. Мне уже много раз прощали самые разные проказы: мистер О не стал кричать и злиться на меня даже за то, что я однажды пририсовала его приятелям-утопленникам оранжевые усы. Но этого он мне точно не спустит с рук!

Она замолчала, громко хлопнув носом.

Джек видел, что девочка не шутит и ничуть не преувеличивает – вполне вероятно, что терпению дедушки Оливера действительно в этот раз придет конец, и он крепко накажет провинившуюся Энни.

– Ты хоть помнишь, за какую именно дверь он убежал? – поинтересовался мальчик, поднимаясь с постели.

Энни наморщила лоб, будто всеми силами пытаясь воскресить что-то в своей девичьей памяти. Но затем сокрушенно замотала головой, рассыпая по плечам тугие каштановые завитки.

– Разве что очень приблизительно, – с задумчивым видом произнесла она. – Кажется, Питти исчез на отрезке между лиловой дверью с большим цветком вместо дверной ручки и окровавленной белой дверью со следами чьих-то когтей.

– Ладно, пошли, – со вздохом протянул Джек. – Чем скорее мы найдем этого безголового петуха, тем лучше.

«Придется нарушить один из запретов дедушки Оливера в первый же день приезда», – с долей колкого раскаяния подумал мальчик.

Однако бросать в беде свою легкомысленную соседку он не собирался – почему-то ему ужасно не хотелось, чтобы у этой непоседливой девчонки были неприятности. К тому же, в голове Джека уже успела пронестись одна неприятная мысль: если дедушка Оливер взбесится от очередной выходки Энни, то вполне возможно, что он в конце концов решит выставить ее вон из своего дома. А этого Джек никак не мог допустить.

Уж лучше послушаться взрослых и пойти на это маленькое преступление, чем остаться одному в конце коридора, каждый раз проходя мимо опустевшей девчачьей спальни, и с тоской размышлять о том, что он мог это предотвратить.

– Спасибо, Джек! Во-о-от такое спасибо! – девочка широко развела руки в стороны и от радости закружилась на месте как босоногая балерина.

Подол ее цветастого платья, украшенный широкой тесьмой белоснежного кружева, взвился вверх, оголив длинные старомодные панталоны в мелкий золотистый горох.

«Разве кто-то все еще носит такое белье», – смущенно думал Джек, по-джентельменски прикрыв глаза ладонью.

– Ох, – Энни неожиданно перестала дурачиться, одернула пеструю юбку и замерла на месте. – Только нам сперва придется пробраться на кухню!

– Зачем?

– За этими дверьми может быть очень опасно, Джек, – девочка серьезно посмотрела в его глаза. – Нельзя отправляться туда без оружия. Прихватим с собой кухонный топорик Матильды, ладно?

Джек едва сумел сдержать протяжный вздох разочарования.

Мало того, что ему теперь придется спасать от сурового выговора эту беспечную девчонку в панталонах, так еще и, вдобавок, он вынужден будет рисковать собственной жизнью!

– Когда ты спускалась по лестнице на первый этаж, чтобы проникнуть за дверь, я не видел в твоих руках никакого оружия, – возразил он.

– Я всегда заглядываю лишь за одну дверь, – пояснила Энни, вновь в нетерпении пританцовывая на месте. – А за ней нет ничего опасного. Это дивный сказочный мир, наполненный ароматом розовых кустов и съедобных сахарных кактусов.

– Выходит, ты никогда не открывала другие двери?

– Конечно нет! – в оливковых глазах девочки вспыхнула обида. – По-твоему, я настолько безрассудна?

Она надула влажные алые губки и оскорбленно скрестила руки на груди.

– Я имел ввиду совсем не это... – начал было Джек.

– Но тогда что же? – насупилась девочка. – Все здесь считают меня глупой и непослушной, и полагают, что от меня могут быть лишь одни неприятности! А ты сам пробовал скоротать здесь хотя бы несколько лет, не нарушив ни одного запрета? Да ты бы давно умер от скуки!

– Я не хотел обидеть тебя, Энни!

Она с раздражением расправила сбившийся кружевной подол платья, сделала глубокий вдох и, немного поразмыслив, ответила уже привычным задорным голоском:

– Давай разыщем Питти и вернем его на место, хорошо?

Джек молча кивнул. Но вряд ли своенравная девчонка с пышными локонами успела это заметить – она уже прошмыгнула обратно в коридор, где с нетерпением переминалась с ноги на ногу, слегка покачиваясь в такт каждому своему движению.

Мальчику не оставалось ничего другого, кроме как послушно последовать за ней.

– О юность, – многозначительно каркнула мертвая птица, когда дверь комнаты захлопнулась за Джеком с приглушенным стуком, и внутри остался лишь Пыльный Ворон и потрепанное беличье чучело. – Явление настолько же прекрасное, насколько и безрассудное.

Вместо ответа Леди Белка лишь подмигнула давнему приятелю глазками-бусинами, и из ее уха на старинный комод просыпались осколки миндальных скорлупок.

Долгая четвертая глава

– Выходит, домом на самом деле заправляет старая одноглазая Матильда? – уточнил Джек, с интересом разглядывая блестящий кухонный топорик.

Его собственное отражение в нем казалось несуразным: выпуклый металл деформировал угловатые мальчишеские черты, придавая им комичную уплощенность.

– Вроде того, – кивнула Энни, тряхнув своей темно-каштановой гривой. – Матильда не только личная помощница мистера О, но и горничная, и кухарка. А еще она присматривает за колючками в саду и каждый год подкрашивает ржавчину на ограде, окружающей особняк. Когда-то эти задачи выполняли разные люди, но со временем все они покинули дом. Почему-то никому не хочется задерживаться здесь надолго. Странно, правда?

Продолжая задорно шлепать босыми пятками по ступеням, девочка обернулась на ходу, бросив на Джека выразительный взгляд огромных оливковых глаз, в которых сквозило искреннее непонимание.

– Конечно, если подумать, – поспешно добавила она, не давая Джеку произнести в ответ ни слова. – В Доме поющих стен и правда бывает весьма скучно. Но, на мой взгляд, здесь гораздо лучше, чем во всех прочих домах, в которых мне приходилось бывать.

Она бегло пожала плечами, будто мысленно осуждая всех, кому пришлось не по нраву этот кособокий каменный исполин с узкими окнами.

– И много постояльцев здесь сейчас живет? – поинтересовался Джек, когда девочка с фарфоровой кожей наконец затихла. – Пока что я не встречал никого, кроме Матильды, дедушки Оливера и тебя.

Вдоволь наигравшись с увесистым топориком, нагло похищенным из кухни, расположенной на втором этаже, Джек сунул его за пояс. И ускорил шаг, пытаясь нагнать суетливую Энни, которая уже успела преодолеть целый лестничный пролет.

– Вообще-то, сейчас здесь нет никого, кроме нас, – с легкой грустью проговорила девочка, вновь заполняя сумрачный холл своим звонким голосом. – Недавно в доме останавливался один ворчливый старикашка с большой бородавкой на кончике носа, но он исчез как раз незадолго до твоего появления.

– Исчез? – настороженно переспросил Джек.

Что-то ему в этом слове крайне не нравилось. Уж не по той ли причине, что слишком часто оно упоминалось в отношении людей, рискнувших обрести приют в этом странном месте?

– Ну да, – зазвенел безмятежный девичий голос. – Люди всегда появляются здесь внезапно и столь же неожиданно покидают дом. В некоторых спальнях до сих пор лежат их вещи, так что иногда я копошусь в них от скуки.

И, будто спохватившись, что после такого признания Джек может подумать о ней плохо, Энни метнула в его сторону испуганный взгляд и быстро прошептала:

– Они бросили свои вещи, верно? Значит, теперь они ничейные. Ведь так?

– Думаю, да... – мальчик в смятении поскреб светлый затылок. – А тебе не кажется это... Ну, не знаю... Необычным?

– Ты это о чем?

Девочка остановилась у безрадостно-черных колонн, подпирающих арочные своды потолка. И без особого удовольствия уставилась на один из жутких портретов, обосновавшихся на гранитном основании столба.

С наступлением ночи все эти ужасающие картины, изображавшие безмянных утопленников, стали казаться мальчику еще более зловещими. Джек никак не мог отделаться от ледящего душу ощущения, словно он очутился на кладбище, воздвигнутом прямо посреди

жилого дома. Угрюмые опоры, увешенные ликами мертвецов, будто мраморные обелиски какого-то извращенного некрополя, нависали над его головой суровыми прямоугольниками, от одного вида которых сердце принималось остервенело биться о ребра в приступе животного ужаса.

Поэтому Джек старался не глядеть на них, сфокусировав все внимание на легкомысленной тоненькой фигурке, парящей в самом низу деревянных ступеней.

– Ну, – он наморщил лоб, собираясь с мыслями. – Какие-то незнакомые люди приходят в этот дом, зачем-то останавливаются в одной из комнат наверху, а затем в какой-то момент просто испаряются без следа, даже не прихватив свои пожитки. По-моему, это подозрительно.

– Здесь всегда так, – отмахнулась Энни, которой эта тема, очевидно, уже успела наскучить. – Лучше иди сюда и погляди на этого надутого гуся! Кажется, несмотря на все усилия мистера О, я все еще могу разглядеть на холсте остатки рыжих усов.

Девочка приняла глубокомысленную позу, подперев кулачком острый подбородок, и прищурила свои большие глаза цвета Атлантического океана. Теперь все ее внимание было приковано к медному подрамнику, в котором темнело оплывшее лицо незнакомой мужчины – такого же неприятного на вид, как и все остальные.

– Этого я не выношу больше других, – заявила Энни, когда Джек приблизился к ней и замер рядом, не без отвращения изучая уродливый портрет. – По-моему, он слишком мерзкий даже для утопленника.

Едва ли мальчик рискнул бы поспорить с этим утверждением.

Казалось, мутные рыбы глаза мертвеца следили за каждым его движением: Джек мог поклясться, что незнакомец даже слегка повернул голову, когда он сделал шаг в сторону, чтобы подойти поближе к Энни. От этого по спине у мальчика забегали противные скользкие мурашки.

– Такое ощущение, что это не мы смотрим на портрет, а он наблюдает за нами, – пробормотал Джек, безуспешно пытаясь избавиться от малоприятного наваждения.

– Так и есть, – Энни высунула кончик розового языка и скривила утопленнику рожицу. – Ты бы только видел, как он позеленел от злости, когда я потащила картину в колючие кусты, чтобы спрятать подальше от мистера О. По-моему, он все еще самый зеленый из всех!

Девочка нескромно поаплодировала белоснежными ладошками собственной шутке, после чего запрокинула голову к потолку и звонко засмеялась. Однако Джеку было совсем не до веселья – он больше не мог выносить взгляда этих белесых зрачков.

– Давай уйдем отсюда, – попросил он, пытаясь ничем не выдать своего волнения. – Мне здесь не по себе.

– Ты прав, – лицо Энни моментально приняло самый серьезный вид. – Нам пора отправляться на поиски Питти. Не хочу, чтобы с ним случилось что-нибудь плохое. А там, за дверьми, только такое и случается.

Решительно расправив смявшееся кружево на цветастой юбке своего платья, девочка схватила Джека за руку и поспешила к литой металлической двери, преграждавшей путь к узкому тоннелю первого этажа.

– Только тихо, – на всякий случай она шикнула на своего покорного спутника, который и не думал шуметь. – Если нас заметят здесь, то накажут до следующего Рождества. А если заметят там, то мы не доживем и до этого!

Энни отпустила жилистую мальчишескую ладонь и кивнула на тяжелую дверь, засов на которой, к удивлению мальчика, оказался нагло сдвинут кем-то в сторону. Сквозь узкую щель, образовавшуюся между замшелой стеной и мятым цинковым ограждением, лился подрагивающий алый свет.

Медленно потянув на себя дверь, Энни осторожно заглянула в расширившийся проем, а затем жестом призвала Джека следовать за ней.

Этот коридор был совсем не похож на тот, через который Джек проходил с ворчливой Матильдой накануне. На мгновение мальчик даже усомнился в том, что действительно находится в том же самом месте. Бесконечные стены из сырых кирпичей теперь скрывали за собой двери – многочисленные и разнообразные, убежавшие в кровавую полутьму мрачного тоннеля корявыми прямоугольниками. А сверху, под самым потолком, покрытым бесформенными пятнами мокрой плесени, раскачивались туда-сюда маленькие красные лампочки.

«Прямо как в проявочной комнате фотоателье», – подумал Джек.

Он побывал в такой однажды, когда был еще совсем малышом. В небольшой кладовке без окон, пронизанной лишь алым сиянием электрических ламп, на длинном шнуре лениво покачивались стаи черно-белых фотокарточек. Кажется, это была фотомастерская его отца. Однако ручаться за это он бы не стал – все же, это было слишком давно. Мало ли что Джек мог напутать.

– Немного смахивает на этаж со спальными комнатами, – заметил мальчик, осматриваясь по сторонам. – Только здесь как-то совсем... гнетуще...

– Ну а ты чего ждал, – пожалла узкими плечиками Энни, а после аккуратно и неспешно, чтобы старые ржавые петли не выдали ее очередного полночного своеволия, вернула металлическую дверь на прежнее место. – Этот коридор впитал в себя сотни и тысячи человеческих кошмаров.

И, будто подтверждая слова девочки, вереница маленьких красных лампочек, развешенных под потолком, принялась гаснуть и зажигаться вновь с удвоенной силой. А некоторые из них, перемигивавшиеся глубоко в недрах тоннеля, и вовсе лопнули с омерзительным треском, похожим на хруст перемальываемых в мясорубке костей. Пыльные доски коридора засияли от россыпи крошечных осколков.

– Вот ведь черт, – девочка настороженно уставилась в пульсирующую красным полумглу кирпичного тоннеля. – Надеюсь, мы сразу отыщем Питти и туда нам идти не понадобится.

– А что там?

Джек посмотрел туда же, куда глядела растрепанная и слегка испуганная Энни. Однако не увидел ровным счетом ничего.

– Если начинает пропадать свет, значит, там он, – полупшепотом ответила девочка. – Он все время пытается погасить огни.

Джек встревоженно огляделся.

Должно быть, в это самое мгновение он впервые горячо сожалел о том, что решил ввязаться в глупую затею Энни Стоун. Однако, как настоящий джентльмен, он ни за что бы не посмел бросить свою спутницу в беде. Поэтому отступить было поздно.

– О ком ты говоришь? – он вперился взглядом в белое как мел лицо, усыпанное смешными веснушками. – И зачем кому-то гасить свет в доме, где это запрещено?

– Я не знаю. Но там, где он появляется, всегда остается много крови, – девочка брезгливо поморщилась. – Не выношу вида крови, б-р-р...

Ладони и шея Джека покрылись противной липкой испариной. Он понятия не имел, о ком твердит его новая приятельница, однако интуитивно понимал, что такая как Энни ни за что не станет тревожиться по пустякам. Эту непоседливую девчонку со вздернутым носом и босыми ногами определенно нельзя было назвать трусишкой. Значит, им двоим и в самом деле стоило опасаться таинственного обитателя Дома поющих стен, снующего где-то в темно-кровавых глубинах волглого кирпичного коридора.

– Я называю его Мистер Алый, – понизив голос, напутственно затараторила Энни. – С него хлещет так, будто он ускользнул из-под гильотины, но забыл прихватить свою голову. Если увидишь его – беги. Я всегда именно так и поступаю.

Джек молча кивнул, продолжая сверлить взглядом пульсирующие багряным заревом недра бесконечного коридора.

– Думаешь, он опасен? – мальчик поежился то ли от влажного холода, окутавшего тоннель, то ли от страха. – Этот Мистер Альый?

– Может да, – неуверенно прошептала Энни. – А может и нет. Выяснить это мне совсем не хочется.

«Да уж», – в смятении размышлял Джек, усиленно прислушиваясь к хлопанию редких капель, срывающихся с потолка. – «Я бы тоже предпочел не проверять это на себе».

А вслух он произнес:

– Ну что, готова отправляться на поиски Питти?

На самом деле, мальчик не то, чтобы прямо уж рвался на помощь заплутавшему безголовому созданию – просто он мечтал как можно скорее убраться из этого жуткого коридора, нырнув за одну из его дверей. Спасительную, как ему хотелось полагать.

– Еще бы, – бодро кивнула Энни. – Давай начнем во-о-он с той двери! Мне кажется, Питти вполне мог туда улизнуть.

Она ткнула изящным пальчиком куда-то вправо, и, не дожидаясь ответа, решительно затопала босыми пятками в выбранном направлении.

Вытащив из-за пояса осенних брюк кухонный топорик старой Матильды, мальчик бросился догонять свою взбалмошную спутницу.

– Здесь он нам точно не понадобится, – уверенно заявила Энни, указав на поблескивающее в руках Джека лезвие.

Она ухватила за большую дверную ручку, отдаленно напоминающую облезлый пончик, некогда покрытый шоколадной глазурью, и изо всех сил дернула ее на себя. Раздался тонкий, едва различимый скрип. И часть хмурого коридора моментально залили ярко-оранжевые лучи закатного солнца.

В нос мальчику ударил аппетитный аромат свежих имбирных пряников и сахарной ваты.

– Невероятно... – прошептал он, проскальзывая следом за Энни и изумленно оглядываясь по сторонам. – Как... как это вообще возможно?

Мягко ударившись о деревянные откосы, дверь позади мальчика захлопнулась сама собой, надежно отрезав обоих детей от тревожного красного тоннеля из подгнивших кирпичей.

– Значит, – догадался вдруг мальчик, не переставая удивляться всему происходящему. – Вот куда ты пробираешься каждую ночь?

– Ага, – розовые губки Энни расплылись в самодовольной улыбке. – Потрясающе, правда?

– Не то слово... – протянул Джек, глаза на дивный разноцветный пейзаж.

Казалось, этот мир буквально сошел со страниц детских сказок, которые нередко читают на ночь прилежным малышам заботливые гувернантки.

Высокое тыквенно-розовое небо над головой Джека, подернутое прозрачными пухлыми облаками, переливалось лучами огненного солнца, готовящегося вот-вот нырнуть за горизонт. Широкая зеленая аллея, на которой они топтались, плавно утыкалась аккуратно подстриженными кустами буйно цветущих роз в мощеную круглую площадь, усеянную миллиардом светящихся лампочек.

На разлапистых дубах, увешенных большими леденцами в прозрачных фантиках и не менее аппетитными кренделями, звонко чирикали воробьи, явно недовольные тем, что целлофановая упаковка мешает им насладиться пиршеством.

Под деревьями тут и там красовались полосатые навесы всех оттенков радуги, пряча под своими матерчатыми шляпками прилавки с шоколадными тортами, кремовыми пирожными и ванильными трубочками. Летний воздух ярмарочной площади был насквозь пропитан густым ароматом свежей выпечки, корицы и жженого сахара.

В пустом животе Джека жалобно заурчало.

– Здесь никого нет, – осознал вдруг мальчик. – Что это за место?

Толстые ленивые голуби деловито прохаживались по брусчатке туда-сюда, словно весь этот сахарный рай был возведен исключительно для них. И, если не принимать в расчет суетливых птиц, Энни и Джека, площадь была совершенно пустынна.

– Это же Июльский Фестиваль Сладостей, – с трудом выговорила Энни, заталкивая за свою веснушчатую щечку очередной пончик. – Ты разве никогда не бывал на таком прежде?

– Нет, – смутился мальчик. – Только читал о нем в старых газетах.

– Ну... Что же... – Энни подпрыгнула и ловко сорвала с дубовой ветки большой пряник в виде человечка с раскрытым зонтом, быстро стащила с него упаковку и одним махом откусила фигурке и голову, и шляпку зонтика. – У тебя есть прекрасная возможность наверстать упущенное!

Джек неуверенно продолжал топтаться на месте, наблюдая за тем, как белоснежные зубки девочки перемалывают карамельные леденцы – один за другим, словно она никак не могла утолить свой голод.

– По-моему, это не самая удачная идея, – произнес он наконец. – Мы ведь понятия не имеем, откуда здесь вообще взялось это место...

– О, да ладно тебе, – нетерпеливо отмахнулась Энни, слизывая со своих пальцев сахарную пудру. – Я бывала здесь тысячу раз. Просто бери то, что тебе хочется, и ни о чем не думай!

Мальчик тяжело вздохнул.

Что-то в этом сладком раю его настораживало. Он никак не мог отделаться от скользкого, неуловимого ощущения нарастающей тревоги. Вся эта пестрая съедобная мишура лишь усиливала предчувствие какой-то смутной беды, зависшей в воздухе. И этот едкий запах незримой опасности не мог завуалировать ни аромат свежих булочек, ни даже благоухание цветущих розовых кустов.

– Я, пожалуй, пойду осмотрюсь, – заявил Джек, так и не притронувшись к сладостям. – Поищу здесь следы Питти.

Бегло кивнув в ответ, Энни стащила с одного из прилавков большой сливочный торт, украшенный желтыми масляными пионами, и уселась с ним прямо на мостовую. Погрузив в толстый слой белой глазури свои фарфоровые пальчики, девочка с наслаждением принялась за лакомство, не слишком-то переживая о том, что на кружевной подол ее платья то и дело падают жирные капли подтаявшего крема.

«Так вот почему от нее пахнет сливками», – пронеслось в голове у Джека, когда он вернулся на розовую аллею, оставив спутницу наедине со стремительно уменьшающимся тортом.

По подсчетам мальчика, закатное солнце, окутавшее безлюдный сладкий мир оранжевой дымкой, уже давно должно было юркнуть за линию горизонта. Однако оно по-прежнему парило в той же точке, явно не собираясь ее покидать.

Создавалось странное ощущение, что время в этом оцепенелом мире двигалось каким-то своим особенным чередом, будто увязнув в густом кленовом сиропе.

Джек неспешно двинулся по аллее, вымощенной гладкими серыми булыжниками. Шипастые ветви розовых кустов здесь были опрятно подстрижены и даже подперты снизу деревянными рогатинами для того, чтобы тяжелые красные и белые бутоны не сломали их под своей тяжестью. Но чем дальше шел мальчик, тем запущеннее становился розовый сад. И вскоре вместо широкой каменистой тропы впереди замаячил узкий витиеватый проход, по бокам которого во все стороны торчали острые как иглы ветви.

С трудом продираясь через дикий колючий кустарник, Джек то и дело замедлял ход, а то и вовсе останавливался, чтобы отцепить от своих шерстяных брючин очередную шипастую ветвь. И чем усерднее он боролся с зарослями, тем навязчивее становились их цепкие объятия. Как будто розовые кусты всеми силами стремились остановить мальчика, преградив ему путь.

Джек упорно продирался вперед, хотя уже едва ли смог бы различить под своими ногами брусчатку. Возможно, в этой части парковой площади ее уже и не было: не даром ведь поблес-

квивающая нить уличных светильников осталась где-то далеко позади, предоставив эту местность предзакатному мраку.

Судя по всему, в эту часть ярмарочной площади давно никто не заглядывал. И, очевидно, посетителям здесь делать было действительно нечего, ведь кроме настырной растительности, так и норовящей побольнее воткнуться в кожу, тут ничего больше не было.

Заброшенная часть розовой аллеи являла собой унылое и жалкое зрелище. Как черный ход фешенебельного ресторана, у которого в переполненной помойке копошатся голодные ободранные коты.

Вряд ли сбежавший Питти стал бы сюда соваться – даже безголовый нашел бы эту затею крайне глупой.

«Наверное, мне лучше вернуться», – подумал вскользь Джек.

В который раз замедлив шаг, чтобы осмотреть землю под кустами в поисках отпечатков куриных лап, Джек с раздражением и не без труда отодрал от своей осенней ветровки особенно длинную и острую колючку. Шип проткнул плотную ткань его куртки насквозь, намертво запутавшись в толстых волокнах ткани.

– Вот ведь... – хотел уже было выругаться мальчик, но внезапно раздумал это делать.

Во-первых, воспитанные молодые люди себя так не ведут. Даже в том случае, если вокруг совершенно никого нет и услышать их брань некому. Во-вторых, впереди, за стеной кустарника, что-то заманчиво поблескивало разноцветными огоньками, задорно кружившими тонкой змейкой снова и снова.

Джек вывалился из колючей чащи на небольшую бетонную площадку, устланную голыми и давно развалившимися на части плитами.

Очевидно, здесь некогда был парк развлечений: завалившееся на бок ржавое колесо обозрения тоскливо покачивало на ветру пустыми кабинками. Разодранные в лохмотья ажурные козырьки, служившие для них в прошлом навесом, трепетали будто испуганные привидения. Где-то поодаль поблескивал погнутыми колесами миниатюрный паровозик с цветочными клумбами по бокам, ныне разоренными и опустевшими. В его маленьких квадратных окошках отражалось призрачное сияние заката, из-за чего создавалось впечатление, будто внутри позабытого вагона бушует яростное пламя.

– Вот это да, – восхищенно произнес Джек.

Он шагнул к покосившемуся металлическому киоску, от которого и исходили заманчивые неоновые блики. Это был древний автомат с предсказаниями, которые мальчик прежде встречал разве что в старых фильмах.

Судя по всему, киоск все еще работал: его радужная вывеска продолжала призывно подмигивать пустой бетонной площадке, а узкое отверстие для монет время от времени издавало звук сыплющихся пенни.

Надпись на передней части киоска гласила: «Есть пенс – есть сенс», очевидно, открыто намекая на то, что в свое будущее способны заглянуть лишь те, у кого в карманах позвякивают деньги.

Экран автомата темнел безжизненным прямоугольником, но Джек почему-то был убежден: если он сунет пару пенсов в щель для монет, машина непременно оживет. Была лишь одна проблема: в кармане шерстяных штанов мальчика валялся всего один шиллинг, оставшийся после покупки билета на поезд.

Разумеется, еще у Джека в бумажнике нашлось бы пару банкнот, сложенных вдвое, вот только здесь они были совершенно бесполезны. Вряд ли их можно было разменять в заброшенном парке.

Решив, что терять ему особо нечего, мальчик приблизился к киоску, выудил из кармана единственную монетку, и с надеждой уставился на поблекший экран. Затем сделал глубокий

вдох, будто готовясь одновременно и к неминуемому поражению, и к желанной победе. Быстро скармлил машине шиллинг и надавил кулаком на круглую красную кнопку, пылавшую сбоку.

Первые пару секунд не происходило ровным счетом ничего. И Джек уже было решил, что киоск в самом деле сломан, как и все остальные аттракционы, которые доживали свои дни на этой ржавой свалке. Он уже приготовился повернуть обратно и ринуться в колючие заросли, когда старый автомат неожиданно ожил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.